

ЧЕЛОВЕК КАК СЛОВО

СБОРНИК В ЧЕСТЬ
ВАРДАНА
АЙРАПЕТЯНА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2008

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч 39

Ч 39 Человек как слово: Сб. в честь Вардана Айрапетяна. —
М.: Языки славянской культуры, 2008. — 264 с.

ISBN 9-785-9551-0268-9

Сборник посвящен шестидесятилетию Вардана Айрапетяна, филолога-русиста, лауреата премии Андрея Белого, присужденной за книгу «Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски» (М., 2001), автора глубоко и всесторонне продуманной версии русской герменевтики, основанной на проникновенном изучении народной культуры, — герменевтики родного языка.

ББК 83.3(2Рос=Рус)

*В оформлении переплета использована картина
Сальвадора Дали «Гермес» (1981)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 9-785-9551-0268-9

© Авторы, 2008

© Языки славянской культуры, 2008

Содержание

От составителя	7
<i>С. Г. Бочаров.</i> О Вардане Айрапетяне	9

I

<i>В. Н. Топоров.</i> «Герменевтические подступы к русскому слову» Вардана Айрапетяна. Вместо предисловия	15
<i>В. В. Бибихин.</i> Вардан Айрапетян. Герменевтические подступы к русскому слову	34
<i>В. В. Бибихин.</i> Герменевтика	41

II

<i>Л. Абрамян.</i> О проекте филургического словаря	67
<i>Л. Акоюн.</i> Феномен Дмитрия Шостаковича	75
<i>С. Г. Бочаров.</i> Ахиллес и черепаха	91
<i>Б. В. Дубин.</i> Оправдание речи. Два этюда о современной поэзии для Вардана Айрапетяна	100
<i>Л. В. Карасев.</i> «Порча пальцев» у Достоевского	113
<i>С. В. Лезов.</i> Речь Яшки Преображенского о смысле жизни	119
<i>С. Ю. Неклюдов.</i> Понять и осмыслить (к проблеме «ослышек» и лексических искажений в устной традиции)	123
<i>А. Б. Пеньковский.</i> Загадки пушкинского текста и словаря: «...и после ей наедине давать уроки в тишине» («Евгений Онегин», 1, XI, 13—14)	133

<i>М. Ю. Реутин. Отрицательный метод в богословии Майстера Экхарта</i>	155
<i>А. Саакян. Astuac (Бог) — знак армянского христианского конфессионально-культурного контекста</i>	185
<i>Л. Силард. Бытие и язык как проблема первичных и вторичных жанров</i>	191
<i>Т. В. Цивьян. Из Петербургских текстов и петербургских мифов (по записям В. Н. Топорова)</i>	206
<i>М. Э. Ширинян. Ранневизантийский церковный историк Сократ Схоластик и его мировоззрение</i>	214

От составителя

В первой книге Вардана Айрапетяна «Герменевтические подступы к русскому слову», вышедшей в 1992 г., есть заметка под названием «Слово как человек». В преобразованном виде она вошла и в его итоговую книгу «Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски» (М., 2001), значительно расширенное издание которой готовится теперь автором. В предисловии к «Подступам» В. Н. Топоров писал:

«Слово как человек», — сказал он. «Но и человек как слово», откликнемся мы, напомнив, что подлинное живое слово несет в себе глубокий бытийственный смысл (наст. сб., с. 33).

«Человек как слово» — здесь прежде всего имеется в виду человек как таковой, *homo sapiens* (точнее *loquens*), но это в полной мере можно отнести и к авторам этих двух высказываний. Мало найдётся филологов, настолько проникнутых стихией слова, так чутко откликающихся на тончайшие оттенки его звучания и смысла. Это люди позволившие слову, по выражению В. В. Бибихина, «слыть и слышаться так, как хочет оно, не мы» (наст. сб., с. 40). Вардан Айрапетян считает Топорова вместе с Бахтиным главными своими учителями, но он пришёл к ним сам (к Топорову пришёл когда-то в прямом смысле) и, многое взяв у них, продолжает идти своим, совершенно особым путём. С. Г. Бочаров называет то, чем занимается Айрапетян, «персональной филологией» (с. 11 наст. сб.). Но и эти слова можно понимать двояко. «Герменевтика по-русски» персональна только в том смысле, что никто другой не мог бы выстроить это грандиозное здание с таким тщанием и полнотой, но имеет она дело, пользуясь ключевым ее термином, с мировым человеком и его словом. И это прежде всего русский мировой человек, Иван.

В первом разделе сборника помещены непосредственные отклики на книги Вардана Айрапетяна, во втором — статьи, предоставленные авторами специально для настоящего сборника.

За деятельную помощь в комплектовании сборника благодарим Левона Абрамяна и Сергея Георгиевича Бочарова.

О Вардане Айрапетяне

Четверть века тому назад (примерно) позвонил незнакомый и очень вежливый голос с вопросом: нельзя ли прочесть неопубликованные записи выступлений М. М. Бахтина в философских кружках 20-х годов, говорят, у вас есть? Мы встретились в метро, и это была моя встреча с Варданом Айрапетяном. В 1992-м в московском издательстве «Лабиринт» вышла книга в белой мягкой обложке — «Герменевтические подступы к русскому слову», заслужившая сразу признание двух таких филологов, как В. Н. Топоров и В. В. Библихин. После были еще две книги и разные публикации, но новой темы не было: воистину автор знал (и до сих пор знает) одной лишь думы власть, и другая тема ему была не нужна. Тема одна и *своя* настолько, что автор может ее изнутри расширять и наращивать, кажется, без конца, вовлекая в нее материал словесности почти безбрежный. Айрапетян с признательностью называет своих учителей — В. И. Даль, Бахтин, Топоров, — но он не имеет рядом с собой союзников, с кем он мог бы образовать что-то вроде общего «направления». Он сам себе направление, и при весьма широком составе имен, которые привлекает себе в подмогу, цитирует и на них опирается, по существу работа его одинока. Этот толкователь русского слова заслуживает сам толкования.

Читатель Вардана Айрапетяна встречается с текстами, каких он ни у кого не мог прочитать. У Бахтина — недаром все же он тогда стал поводом к первой встрече — есть в ранней философии поступка описание того, что названо им эстетическим созерцанием: «напряженно замедлить над предметом, закрепить, вылепить каждую мельчайшую подробность и деталь его. Только любовь» — продолжает Бахтин — дает нам так рассмотреть предмет. И ведь это словно бы описание излюбленной формы Айрапетяна. Его форма — монографический лаконичный (предельно) этюд, в котором автор склоняется над каким-нибудь произведением русской речи, чтобы над ним «напряженно замедлить» — «все как один», «карты в руки», «зеркало души», «анекдот про девярых людей», или проще простого — что значит словечко «думать». Напряженно замедлить, чтобы истолковать, — толкование же уводит нас весьма далеко за границы этого речевого произведения, в толковательное пространство, какое автор предпочитает называть герменевтическим более, нежели лингвистическим. Анекдот про девярых людей это «притча о человечестве». Круглое число из

десяти людей, сидящих в кружок, никак не может сосчитаться и стать действительно «круглым» числом, потому что каждый считающий, живущий собственной исключительностью, самого себя не включает в счет, и нужен проходящий мимо и находящийся вне круга одиннадцатый, чтобы правильно сосчитать. Дурацкий анекдот ведет к тому, что названо автором «религиозностью герменевтики» (*В. Айрапетян. Русские толкования. М.: Языки русской культуры, 2000, с. 63; далее указываются страницы этого издания*). В самом деле, без «иного для всех» человечеству, всем, нет выхода из положения, потому что «без иного для всех каждый для себя иной», и отсюда человекобожество Кириллова у Достоевского: «Если нет Бога, то я бог» (62). Притча о человечестве в результате аналитического в нее вживания превращается в «притчу о людях, “я” и боге» (69). Не непременно иудейско-христианском Боге, уточняет автор, почва его герменевтики — «неписаная вселенская религия», скрытая в языке и фольклоре (63), как почва для из нее вырастающих исторических, «писанных», «официальных» религий.

Толцйте и отверзется вам — было сказано нам в Нагорной проповеди: стучите и вам откроют. В. Н. Топоров в обширном предисловии к первой книге Айрапетяна говорил о сродстве, очевидно, не только фонетическом, этимологически разъединенных значений — *толкать/толочь* и *толк/толковать* (см. с. 20 наст. изд.). «Мы толчем и толкаем толкуемое» — продолжает за Топоровым играть словами Айрапетян (14), следуя заповеданному в «иудейско-христианском» тексте наказу: стучится (толкается), и ему открывается.

Армянский смыслопотокователь избрал себе в Ереване жизненным делом русское слово, обучая вниманию к нашему слову русских филологов. Наш фольклор, пословица, сказка — его основной материал и предмет; литературу, слово «написанное», он несколько даже третирует как материал для своих целей второстепенный, но при этом умеет аналитически прочесть в литературе то, что литературоведами так не читается. Так, знаменитые «мертвые трупы» в финале «Бориса Годунова» (на что, как известно, «Народ безмолвствует» и на которые литературоведы могут лишь, как правило, указать как на нечто выразительное, но о смысле этого «плеоназма» можно лишь погадать) он читает как не тавтологическое, но аналитическое сочетание со значением «усилительного выведения отличия наружу»: «Здесь сразу два аналитических сочетания, *отравили себя ядом и мертвые трупы* (...). Эти сочетания приняты за плеоназм и мотивированы волнением в статье М. Гаспарова (...). Мосальский хочет убедить, он

говорит усиленно, а народ в ответ усиленно молчит. *Два русские музыки* в начале МЕРТВЫХ душ тоже аналитическое сочетание» (115) — кто бы так еще их определил? Полемическая ссылка на М. Гаспарова здесь не случайна: если автор признает своим учителем М. Бахтина, то он должен делать решительный выбор, признавая тем самым существование гаспаровского противостояния Бахтину, — и вообще ориентируя свои теоретические притяжения и отталкивания в зависимости от отношения филолога или писателя к проблеме фольклор и литература. Оттого в притяжениях у него Бахтин, Достоевский и Розанов, в отталкиваниях — М. Гаспаров и Набоков; о последнем есть любопытное точное замечание: «Этой знакомой многим писателям независимости героя от автора Набоков никогда не чувствовал: “Я совершенный диктатор в собственном мире...”» (178).

Вардан Айрапетян создал свою совершенно оригинальную, *персональную* филологию русского слова; признаем, что она в высокой степени отвечает этимологическому смыслу термина *филология*. Путь своего толковательного искусства он объясняет обратным образом тому, какой обычно мыслит себе наука: «Такая герменевтика обращена от простых людей через толкователя к ученым, то есть в противоположную популяризации науки и всякому просвещению, культурное оно или религиозное, сторону» (28). (Автор этой заметки вспоминает, как, покидая в последний раз Москву и уезжая в свой Ереван, Вардан раздавал накопившуюся здесь библиотеку и подарил мне книгу Бориса Кузина, указав в ней очень нравящийся ему краткий текст против популяризации науки — «Зачем земля круглая».)

I

«Герменевтические подступы к русскому слову» Вардана Айрапетяна. Вместо предисловия

Герменевтика теснейшим образом связана с познанием; более того, она органически укоренена в процессе познания, который без нее вообще не мыслим. Этот процесс естественно может быть представлен как серия ответов («открытий»), предполагающая соответствующую ей серию вопросов, формулируемых явно и надежно или же более или менее достоверно эксплицируемых из ответов на них. Каждый ответ представляет собой некое и с т о л к о в а н и е, т. е. особый тип объяснения того, о чем спрашивается в вопросе и что решает определенную познавательную задачу. Обычно ценится сам ответ и недооценивается вопрос, которым ответ вызывается, — тем более что сам вопрос может и не формулироваться в явном виде, хотя по сути дела он всегда присутствует, и его нередкая латентность не должна вводить в заблуждение. Вопрос как институализированный и формализованный прием, используемый как «техническое» средство в акте вопрошания, не менее важен, чем сам ответ, потому что именно с вопрошания начинается познание и потому что сам вопрос существенным образом предопределяет и контролирует ответ, преформируя объем возможностей будущего «ответного» пространства. Вопрос выдвигает нечто вперед, в самый фокус познавательных интенций как п р о б л е м у. Внутренняя форма этого древнегреческого слова дважды подчеркивает идею в ы с т у п а н и я в п е р е д, на первый план (*πρό-βλημα* : *προ-βάλλω* как бросок вперед, выдвижение, опережение, в частности в связи с неким вопросом, задачей и т. п.). Конкретнее всего эта идея реализуется в таких значениях слова *πρό-βλημα* как ‘выступ’, ‘мыс’ (ср. *προ-βλής* в том же значении, но и как ‘выдающийся вперед’, ‘выступающий’, ‘торчащий наружу’), а более опосредствованно в том же слове *πρό-βλημα*, когда оно обозначает некую вынесенную вперед конструкцию, которая может оцениваться и положительно — как опора, оплот, защита, прикрытие, и отрицательно — как нечто угрожаемое, связанное с трудностями, с повышенной опасностью (в частности, на этом основании сюда же можно было бы, кажется, отнести *βλεμαίνω* ‘гордиться’, ‘кичиться’, т. е. выбиваться-выделяться из ряда, но и ‘угрожать’). Но где о - п а с - н о с т ь, там и с - п а с - е н и е, где в о - п р о с (страстный, напряженный, вопрос-просьба, вопрос-

мольба, ср. лат. *precor* ‘просить’, ‘выспрашивать’, ‘молить’, ‘умолять’ /из и.-евр. **prek-* : **prok-*, к которому восходят и русск. *просить*, *спросить* и нем. *fragen* и т. п./, и всегда о главном, всегда в ожидании последнего решения), там и о т - в е т, подлинное слово, открывающее новое знание; где такое решительное и даже чреватое насилем опережающее вторжение человека в тайны мира, там как бы навсегда упавшая тень порочного круга (*circulus vitiosus*), **дурной бесконечности**, безвыходной, в свое тесное пространство запирающей, абсолютной детерминированности, хотя и до поры несколько завуалированной. И тогда некогда утешительная импликация-предопределение «где вопрос, там и ответ» как бы возвращает пытливого вопрошателя к ситуации «разбитого корыта», Сизифова труда, вечного повторения иллюзий и их крушения, к тому, что Екклесиаст-Кохелет обозначил как «суета сует и всяческая суета». И разве не он же, умудренный опытом всей жизни прирожденный исследователь («И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростию все, что делается под небом». Еккл. I, 13), пришел в конце концов к неутешительному выводу — «Тогда я увидел все дела Божии и *нашел*, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не достигнет этого, и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть *этого*» (Еккл. VIII, 17)?! **Но почему же тогда Екклесиаст, сделав, казалось бы, последний и главный вывод «Суета сует..., все — суета!»** (Еккл. XII, 8), не подчинил ему всю свою дальнейшую жизнь и ставил перед собой цели, ставившие под сомнение окончательность этого вывода? Ведь именно о нем сказано — «Кроме того, что Екклесиаст был мудр, он учил еще народ з н а н и ю. Он *все* испытывал, исследовал, и составил много притчей... и слова истины написаны им верно» (XII, 9—10). Остается предположить, что он был не готов признать свой вывод ни последним, ни главным и полагал его в чем-то ином — «Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека; Ибо всякое дело Бог приведет на суд, и всё тайное, хорошо ли оно или плохо» (XII, 3—14). Суд еще предстоит, и потому ни одно заключение не может претендовать на окончательность и, значит, поиск истины и слóва для ее выражения неотменяем. Именно слово и превращает самое истину в выдвинутую вперед острейшую п р о б л е м у. Не случайно после упоминания «слов истины», написанных Екклесиастом, следует — «Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря» (XII, 11). Такое слово — бросок,

прорыв, прокол (*πρό-βλημα* : *βάλλω* восходят к и.-евр. *g^uel-, совмещающему значения 'прокалывать' и 'пробиваться', 'проистекать' и под.) и выход в новое пространство — всё возрастающего и углубляющегося смысла, в котором вечное круговращение суеты сует, ведущее к дурной бесконечности, заменяется авторефлексивным движением несущего смысл слова, каждое обращение которого на само себя возвращает новый смысл, находящийся уже вне «суеты сует», но угрожаемый ею, как только он оказывается в пренебрежении и забвении.

Это объяснение-истолкование слова, это «открытие» его смысла, чем как раз и занимается герменевтика, этот прорыв завесы инертного и немного «дурного» бытия становятся возможными в результате определенных и специальных усилий, стараний, позволяющих до-б-и-т-ь-с-я преследуемой цели или, выражаясь несколько вольно, «до-ст-у-ч-а-т-ь-с-я» до ответа на вопрос, и именно до такого ответа, который несет в себе некий новый, «усиленный» смысл, вынуждающий «внешний» ему мир подстраиваться к нему в такой степени, что вскоре начинает казаться, что этот смысл принадлежит самому миру и лишь вторично, заемно — слову, этот мир «разыгрывающему» (если пользоваться этим мандельштамовским термином из его «Разговора о Данте»).

В этом «герменевтическом» контексте привлекает внимание одна фраза из Нагорной проповеди — «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Матф. VII, 7). Смысл каждого из этих трех блоков (*Αἰτήτε* — *δοθήσεται*, *ζητεῖτε* — *εὕρησете*, *κρούετε* — *ἀνοίγησεται*) примерно одинаков. Связь предлагаемого Иисусом Христом исходного действия и вытекающего из него результата, трижды воспроизводимая в этой фразе, носит почти автоматический характер, что, в частности, подтверждается и следующей перифразой, связанной с приведенным высказыванием как следствие с причиной — «Ибо (*γὰρ*) всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (VII, 8; причинно-следственная конструкция самой этой перифразы легко эксплицируется: кто просит, тот получает... < он получает, потому что /ибо/ он просит...). Уже первое слово фразы (VII, 7) отсылает не только к просьбе, но и к вопросу (*πρόσβλη* : *πρόσβλη* : *во-прос*), и в этом отношении русский перевод верен греческому, где *αἰτέω* означает и 'просить', и 'спросить' (и 'требовать', и 'добиваться', и даже 'формулировать логическое требование', напр. у Аристотеля). Этот вопрос о причинах (*αἰτία*), основаниях, сформулированный как просьба, предполагает и ответ (*δοθήσεται* как раз о нем). Сама фраза строится не как суждение о некоем конкретном